

DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-136-155

Семинар «Япония в Азиатско-тихоокеанском регионе»

А.В. Белов, А.А. Киреева, Г.Д. Паксютов, Я.В. Мищенко

Аннотация. 27 сентября 2023 г. в МГИМО МИД России прошел семинар «Внешнеэкономическая стратегия Японии в АТР». В ходе обсуждения были проанализированы различные вопросы, связанные с проблемами участия Японии в процессах международной экономической интеграции в АТР, проектах инфраструктурного развития, а также взаимосвязи экономических и политических аспектов региональной стратегии Японии. Особое внимание было уделено японскому видению Индо-тихоокеанского региона, выдвинутой Японией инициативе «качественной инфраструктуры», а также экономическим мерам японского правительства, направленным на сдерживание Китая в АТР. В публикации предлагается стенограмма данного семинара.

Ключевые слова: японская инициатива «качественной инфраструктуры», инфраструктурные проекты, Официальная помощь развитию, Индо-Тихоокеанская стратегия Японии, Индо-тихоокеанский регион, Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство.

Авторы: Белов Андрей Васильевич, доктор экономических наук, профессор Университета префектуры Фукуи (Япония, 910-1195, Фукуи, Ёсида-гун, Эйхэйдзи-тё, Мацуока-Кэндзёдзима, 4-1-1). ORCID: 0000-0002-8703-8487; E-mail: abelov@fpu.ac.jp

Киреева Анна Андреевна, кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, МГИМО-университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). ORCID: 0000-0002-0376-9734; E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

Мищенко Яна Вадимовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32); старший преподаватель МГУ им. М. В. Ломоносова. ORCID: 0000-0002-8782-6424; E-mail: yanamischenko@gmail.com

Паксютов Георгий Давидович, старший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-7153-4315; E-mail: gpaksyutov@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Белов А.В., Киреева А.А., Паксютов Г.Д., Мищенко Я.В. Семинар «Япония в Азиатско-тихоокеанском регионе» // Японские исследования. 2024. № 1. С. 136–155. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-136-155

Seminar “Japan in the Asia Pacific Region”

A.V. Belov, A.A. Kireeva, G.D. Paksyutov, Ya.V. Mishchenko

Abstract. On September 27, 2023, a seminar “Japan’s Economic Strategy in the Asia-Pacific Region” was held at MGIMO University. During the discussion, various issues related to the problems of Japan’s participation in the processes of international economic integration in the Asia-Pacific region, infrastructure development projects, as well as the relationship between economic and political aspects of Japan’s regional strategy were analyzed. Special attention was paid to the Japanese concept of the Indo-Pacific region, the Japanese initiative “Partnership for Quality Infrastructure,” as well as the economic measures of the Japanese government aimed at containing China in the Asia-Pacific region. The publication offers a transcript of this seminar.

Keywords: Japan’s Partnership for Quality Infrastructure, infrastructure projects, Official Development Assistance, Indo-Pacific Strategy of Japan, Indo-Pacific region, Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership, Regional Comprehensive Economic Partnership

Authors:

Belov Andrey V., Doctor of Sciences (Economics), Professor, Fukui Prefectural University (Japan, 910-1195, Fukui, Yoshida-gun, Eiheiji-cho, Matsuoka-Kenjojima, 4-1-1). ORCID: 0000-0002-8703-8487; E-mail: abelov@fpu.ac.jp

Kireeva Anna A., PhD (Political Science), Associate Professor, Department of Asian and African Studies MGIMO University (76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-0376-9734; E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

Paksyutov Georgy D., Senior Researcher, Center for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7153-4315; E-mail: gpaksyutov@mail.ru

Mishchenko Yana V., PhD in Economics, Senior Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av. 117997), Senior Lecturer of Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0002-8782-6424; E-mail: yanamishchenko@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Belov, A.V., Kireeva, A.A., Paksyutov, G.D., Mishchenko, Ya.V. (2024). Seminar «Yaponiya v Aziatsko-tikhookeanskom regione» [Seminar “Japan in the Asia Pacific Region”]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2024, 1, 136–155. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-136-155

**Д.В. Стрельцов, председатель Ассоциации японоведов,
проф. МГИМО-университета**

Актуальность темы нашего семинара связана со следующим обстоятельствами. Во-первых, в условиях холодной войны, которая разгорелась сейчас в мире и, в частности, в Азиатско-тихоокеанском регионе, где формируется новая биполярность, Япония фактически оказалась между двух огней. Ей нужно строить свою стратегию в регионе, и экономическую и политическую, в условиях острого противостояния США и Китая. И хотя она считается союзником Соединенных Штатов, она вынуждена корректировать свою политику с учетом особых отношений со многими странами АТР, которые демонстрируют взвешенную, нейтральную позицию по отношению к этой биполярности, к этой напряженности, которая сейчас наблюдается в мире. Второй важный момент – это то, что Япония традиционно выступает активным игроком в АТР, выдвигает многие инициативы в экономической области и претендует на роль лидера этого региона, который задает тон многим экономическим процессам в мире.

В условиях острого соперничества с Китаем Япония выдвинула и собственную инициативу свободного и открытого Индо-тихоокеанского региона, и инициативу «качественной инфраструктуры», которая фактически составляет конкуренцию китайским проектам в этом регионе. Япония делает все возможное, чтобы составить определенную альтернативу тому, что предлагает в этом регионе Китай.

Сегодня мы поговорим и об экономических, и о политических аспектах японской стратегии в АТР. И хотя у нас тема «экономическая стратегия», она, конечно, не свободна и от политического контекста. И вопросы безопасности будут затронуты. В семинаре любезно согласились участвовать несколько ведущих российских экспертов по теме семинара. Первым я хотел бы предоставить слово профессору Белову.

А. В. Белов, профессор Университета префектуры Фукуи

Создание «качественной инфраструктуры» связано с движением капитала через национальные границы, а движение капитала по источникам происхождения делится на частные и официальные потоки. В официальных потоках наибольшую роль играет роль Официальная помощь в целях развития (ОПР), куда и входит движение капитала, направленное на создание «Качественной инфраструктуры». Это самый малый по объему, но наиболее устойчивый из традиционно анализируемых международных потоков капитала. Он значительно менее волатильный, чем прямые и портфельные инвестиции, чем кредиты и переводы частных лиц.

«Качественная инфраструктура» – это комплексная стратегия, направленная на продвижение и повышение качества инфраструктурных проектов в Азии и в других регионах. Качество, в свою очередь, понимается как соответствие широкому перечню экологических, социальных, финансовых, технических, региональных и прочих требований. Стратегия создания качественной инфраструктуры была выдвинута правительством Японии в рамках усилий по содействию качественному, т.е. инклюзивному и устойчивому экономическому росту в странах-получателях ОПР. Поэтому многие экономисты характеризуют эту инициативу как современный этап эволюции ОПР. Главными чертами инфраструктуры для качественного роста, по мнению правительства Японии, являются: 1) транспарентность создания и эксплуатации, 2) открытость использования, 3) экономическая эффективность на протяжении всего жизненного цикла, 4) приемлемая долговая нагрузка для стран-реципиентов.

История создания качественной инфраструктуры ведет отсчет с начала 1980-х гг., когда стало очевидно, что важные для азиатских стран усилия Японии по созданию инфраструктуры в рамках ОПР обходятся очень дорого. Уже тогда японские специалисты начали отмечать, что Япония компенсирует высокую цену не менее высоким качеством, а также предоставляет привлекательные условия по займам для создания инфраструктурных объектов (30 лет под 0,5 % годовых). С 1980-х гг. такие льготные условия стали стандартными для финансирования объектов ОПР.

Эти три характеристики (высокая цена, высокое качество и льготные займы) сохранились и в 1990-х, и в 2000-х гг., когда появилось множество инициатив инфраструктурного развития в азиатском регионе. Япония дважды (в 2010-х и в 2013-х гг.) принимала программы по расширению экспорта инфраструктуры высокого качества, причем, в том числе, для стимулирования собственной экономики. Однако главным событием в истории появления «Качественной инфраструктуры» стало выдвижение Китаем инициативы Пояса и Пути (ИПП) в 2013 г. В рамках ИПП на первом этапе Китаем была принята стратегия низких цен и гигантских объемов инфраструктурного строительства. Именно в ответ на эти шаги Китая и последовала ответная инициатива Японии в виде Партнерства для создания «качественной инфраструктуры», выдвинутая в 2015 г. и предполагавшая стратегию высокого качества в противовес гигантским инвестициям, которые Китай намеревался сделать, осуществляя ИПП. Соответственно, японская идея имеет двойственную природу и направлена одновременно

на ревитализацию экономики страны и на расширение связей с партнерами для сдерживания Китая.

Инициатива Японии опирается на четыре институциональные основы. Организация JICA осуществляет ОПР с грантовым элементом. Банк JBIC и созданная в 2014 г. организация JOIN (Japan Overseas Infrastructure Investment Corporation for Transport & Urban Development) ведут предоставление льготных займов. Азиатский банк развития, где Япония играет ведущую роль, осуществляет международное сотрудничество в азиатском регионе, направленное на создание инфраструктурных объектов. А такие организации, как Всемирный банк, Международный банк развития, Африканский банк развития и другие, ведут расширение инфраструктурного сотрудничества по японским стандартам в других регионах мира.

Успешная траектория экономического развития Японии, большое число крупных частных компаний, обладающих опытом создания инфраструктурных объектов, развитые институциональные основы зарубежного строительства – все это можно считать гарантией качества в программе качественной инфраструктуры. Уже в первые годы после появления эта инициатива получила широкое международное признание со стороны ООН, G7, ОЭСР, АСЕАН, ЕС и других международных организаций.

Неудивительно, что японская инициатива оказала заметное влияние на мировой рынок инфраструктуры. Прежде всего, произошло формирование олигополии в инфраструктурном строительстве Азии и Африки, а межгосударственное регулирование этой формы организации рынка привело к появлению среды, выгодной и для потребителей, и для провайдеров. Отметим также расширение предложения инвестиций и технологий за счет синергии, активизации ЕС и США, а также модификацию поведения других участников рынка, прежде всего Китая. И наконец, заметно усилились позиции Японии как лидера в развитии стран ЮВА, причем не столько за счет сдерживания Китая, сколько за счет содействия развитию и открытия новых сфер приложения капитала.

В 2021 г. появился специальный сборник, в котором правительство Японии привело примеры лучшей практики в области качественной инфраструктуры. Карта примеров показывает их концентрацию в Юго-Восточной Азии и в Африке. Наибольшее число проектов отмечено в таких странах, как Вьетнам, Филиппины, Мьянма, Индонезия и Камбоджа, что говорит о японских приоритетах. Во всех этих странах велось создание объектов с длительным сроком службы и низкими расходами, использовались надежные технологии с точки зрения экологии и предотвращения катастроф, учитывались интересы местных сообществ, а также осуществлялись надлежащая эксплуатация, обслуживание и управление. Кроме того, расширение создания качественной инфраструктуры происходит за пределами тех стран, которые традиционно получают ОПР (например, в Великобритании).

Среди наиболее ярких примеров «качественной инфраструктуры» находится мост «Цубаса», построенный через Меконг в Камбоджу в 2015 г. Это один из двух тысяч мостов, которые Япония построила в рамках ОПР. При сооружении этого объекта наблюдалась конкуренция с Китаем, построившим примерно такой же мост в 70 км вверх по течению Меконга. Конкуренция с Китаем при создании этих двух объектов оказалась очень плодотворной для страны получателя, поскольку привела к сокращению сроков строительства японского моста и к полному финансированию его за счет грантов.

Второй интересный и важный для Японии пример «качественной инфраструктуры» связан со строительством высокоскоростной железнодорожной магистрали в Индии, длиной около 600 км от Мумбаи на север к городу Ахмедабад. Это второй за пределами Японии проект высокоскоростного поезда на основе японской технологии синкансэн (первый построен на Тайване в 2008 г.). Интересно, что при выборе технологии и страны-донора Япония и Китай напрямую столкнулись как конкуренты. Тремя годами ранее на тендере в Индонезии Япония проиграла Китаю, и для Японии было важно получить индийский проект. Для этого Япония

предложила очень льготные условия. Например, финансирование осуществляется за счет займов в иенах, причем займы предоставляются на 50 лет под 0,1% годовых и в течение 15 лет объявлен так называемый грэйс-период, когда никакие выплаты не производятся. И, кроме того, Япония объявила о широкой программе передачи технологий и локализации производства будущего подвижного состава и оборудования, что получило высокую оценку индийской стороны.

В заключении отметим еще раз тезисы о влиянии японской инициативы на мировой рынок, а также о перспективах развития качественной инфраструктуры.

Прежде всего, на рынке создания инфраструктуры в Азии и Африке с приходом Китая сформировалась олигополия, т.е. форма монополистического рынка с небольшим числом крупных провайдеров, таких как Япония, Китай, ЕЭС, США и ряд международных институтов. Олигополия с экономической точки зрения представляет собой хорошо изученную и легко поддающуюся государственному регулированию форму организации монополистического рынка. Структура этой олигополии такова, что в ней лидирующие позиции занимают Япония и Китай. Плюсы олигополии в том, что в таких условиях, как правило, увеличивается финансирование науки, НИОКР и происходит усиление возможностей дальнейшего развития. Минусы связаны с возможностью сговора и превращения олигополии в картель.

На первом этапе вхождения на рынок инфраструктуры новый игрок, Китай, принял конфронтационную стратегию низких цен. Однако затем последовала негативная международная реакция со стороны первых получателей китайской помощи в рамках ИПП, некоторые из которых попали в долговую ловушку. В такой ситуации появилась японская Инициатива «качественной инфраструктуры», и эта инициатива оказалась настолько широко поддержана в международном сообществе, что Китай изменил свою стратегию.

В итоге начали появляться предпосылки для формирования в рамках олигополии более оптимальной, не конфронтационной, а кооперационной модели взаимодействия. Иными словами, плюсы олигополии начали усиливаться, а минусы – ослабевать. Фактически произошло расширение предложения инвестиций и технологий за счет появившейся синергии проектов, за счет активизации Европейского Союза и США. И, кроме того, важнейший участник – Китай – серьезно изменил линию поведения. Все это фактически привело к укреплению позиций Японии как лидера в развитии стран Юго-Восточной Азии. Причем это произошло не столько за счет сдерживания Китая, сколько за счет содействия развитию и открытия новых рынков.

Если считать, что «качественная инфраструктура» – это успех, то вполне понятно, почему ее принципы сейчас расширяются от ОПР до всех инфраструктурных проектов Японии, в том числе и тех, которые осуществляются без грантового финансирования в развитых странах. Принципы «качественной инфраструктуры» становятся универсальными. А в зоне открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона, в отношениях с Индией и рядом других японских партнеров эти принципы превращаются в главное содержание международного экономического сотрудничества Японии.

Все это позволяет дать высокую оценку Инициативе «качественной инфраструктуры». Причем, дело не только в увеличении общего количества грантов или в повышении качества мостов и тоннелей, а в том, что Япония предложила достойную крупнейшей экономической державы стратегию поведения в области экономической помощи. Это произошло именно в тот период, когда во всем мире многократно возросло международное значение устойчивого развития. В этом и состоит важность японской инициативы.

И.П. Лебедева, г.н.с. Института востоковедения РАН

Мне приходилось читать, что в самой Японии критикуют японский подход к «качественной инфраструктуре» именно с точки зрения качества. Это касается строительства тепловых электростанций.

Дело в том, что у Японии есть проекты модернизации тепловых электростанций в Юго-Восточной Азии, работающих на угле. Японцев критиковали за то, что это отсталая технология. Нужно уже давно заботиться об окружающей среде, интересно, что критика звучала в самой Японии.

Приходилось ли Вам что-нибудь на эту тему читать или слышать?

А.В. Белов

У Японии очень сильные позиции, когда японские специалисты заявляют о том, что использование угольных тепловых электростанций для многих развивающихся стран в настоящее время дает единственную возможность обеспечения устойчивого электроснабжения. Поэтому реальным и вполне оправданным является стремление повысить эффективность тепловых станций и разработать новые технологии, которые позволят им по уровню выбросов приблизиться к другим, «чистым» источникам энергии. Эта официальная позиция кажется мне достаточно сильной и убедительной.

Д.В. Стрельцов

Осенью 2018 г. Абэ Синдзо, покойный премьер-министр, посещал Пекин, и одним из итогов его визита было соглашение о реализации совместных японо-китайских инфраструктурных проектов. В каком состоянии сейчас, можете ли Вы прокомментировать, эта сфера? Есть ли совместные проекты, в каком состоянии этот вопрос сейчас это находится?

А.В. Белов

Насколько мне известно, в период пандемии и последующего восстановления скорость продвижения этих проектов замедлилась, а затем к пандемийным ограничениям прибавилось охлаждение политических связей. Остается только надеяться, что текущее оживление японо-китайского и многостороннего сотрудничества приведет к повышению интереса к заявленным инфраструктурным проектам.

А.А. Киреева, доцент МГИМО-университета

У меня был такой же вопрос на 100%, как у Дмитрия Викторовича, не сговариваясь, я тоже искала информацию про эти совместные китайско-японские проекты. Вся информация, которая есть – это меморандумы 2018 г. и с тех пор тишина. Интересный вопрос на тему того, насколько это действительно выгодно оказалось японским компаниям, судя по тому, что мы не видим проектов, которые были заявлены.

Тогда другой вопрос по поводу роли ценностей и взаимосвязи инфраструктурных проектов и идеологических соображений. Япония хорошо известна тем, что она выстраивает прагматическое сотрудничество со всеми странами Азии в независимости от типов политических режимов, даже несмотря на то, что она продвигает ценности прав человека и демократии. Пример, который Вы приводили в Камбодже, мне кажется, очень хороший, показательный, что здесь развивается сотрудничество со всеми странами вне зависимости от типов политических режимов.

У меня вопрос касательно Мьянмы, не встречали ли Вы какой-то информации с момента военного переворота в Мьянме, заморозились ли японские проекты, есть ли какой-то интерес или Япония фактически поставила все эти вопросы на паузу?

Поскольку явно очевидно есть интерес Китая очень большой к проектам в Мьянме, и Япония стремилась тоже какую-то альтернативу здесь предоставить.

А.В. Белов

Мне очень хотелось бы увидеть не только планы японского правительства о внедрении принципов «качественной инфраструктуры», но и отчеты о проделанной работе. А вот полных

отчетов мне пока найти не удалось. Что касается Мьянмы, совершенно точно до 2021 г. Мьянма была одним из лидеров по получению ОПР, осуществлялось множество проектов, четыре из них попали в книгу примеров лучших практик. К сожалению, полной информации о положении дел после 2021 г., так же, как и в отношениях Японии и Китая у меня пока нет.

П.Э. Подалко, профессор университета Васэда

У меня вопрос, как не экономиста, поэтому немного, может быть, странно прозвучит. Но со времен Абэ японские премьер-министры невероятно активизировали свои внешние визиты в разные страны и в том числе в страны Юго-Восточной Азии. Этим очень увлекался Абэ, этим не менее увлекается нынешний премьер-министр Кисида. При этом о конкретных результатах не очень много слышно. Как считаете, являются ли все эти челночные набегі в соседние и далеко лежащие страны чем-то вроде статусного посещения мира в стиле, когда у нас это практиковал М.С. Горбачев на последнем этапе своей президентской деятельности, когда фактически руководитель государства становится собственно министром иностранных дел? Или все-таки экономическая отдача, в том числе для Японии, от всех этих вояжей имеет место?

А.В. Белов

Мне кажется, что экономическую подоплеку нельзя отбрасывать со счетов. Тем более, что у ОПР есть две составляющих. Во-первых, это поддержка развития тех стран, которые являются получателями. Во-вторых, содействие ревитализации экономики Японии. Сочетание двух составляющих наверняка наблюдается в каждом из этих визитов. Но сколько конкретно новых заказов приносит каждый визит, надо смотреть в каждом конкретном случае. Причем, информацию об этом не так-то просто извлечь из официальных отчетов.

А.А. Киреева

Мне хотелось бы поговорить про взаимосвязанность различных целей и политических, и вопросов безопасности, экономических в Индо-тихоокеанской стратегии Японии. Важно сказать про те условия, в которых она выдвигалась в текущем виде, начиная с 2016 г., когда она была предложена премьер-министром С. Абэ. Это полноценная стратегия, и дальше началась ее проработка.

Это, конечно, рост мощи Китая и напряженности в отношениях в сфере безопасности с КНР, как на двустороннем уровне, так и на региональном, и это относительное снижение мощи США и определенные сомнения в гарантиях безопасности США, которые были характерны для периода президентства Дональда Трампа. Впоследствии на более позднем этапе его президентства США, наоборот, переходят к довольно резкому антагонистическому стратегическому соперничеству с Китаем.

Эти условия предопределили различные цели, которые Япония перед собой поставила. Многие ключевые направления, которые сейчас звучат в японской стратегии, были сформулированы премьер-министром С. Абэ в его речи в Найроби в 2016 г. Это идея о взаимосвязанности двух континентов – Азии и Африки, и взаимосвязанности двух океанов – Тихого океана и Индийского океана.

Идея заключалась в том, что у Японии важная роль в процветании всего этого пространства, взаимодействие на котором должно происходить на основе различных правил и ценностей. Это вопрос свободы, открытости, верховенства права, рыночной экономики, это отсутствие использования силы или принуждения, отсутствие изменения статус-кво силовым путем. И здесь же уже изначально было видно, что есть определенные элементы в этой стратегии – это повестка, которая была связана с исключительно политическими вопросами и вопросами безопасности, а также очень четкое экономическое измерение. И это довольно сильно отличает,

как мне кажется, японскую Индо-тихоокеанскую стратегию от стратегии других стран, поскольку в ней изначально присутствовало также очень серьезное экономическое измерение помимо вопросов, которые были связаны с вопросами безопасности. Соответственно, свободные и открытые моря – это идея, которая связана с порядком, основанным на правилах, с тем, как Япония понимала и понимает, как должен выстраиваться региональный порядок в этом расширенном Индо-Тихоокеанском регионе. И второй аспект – это как раз вопрос взаимосвязанности, о котором сейчас говорили. Прежде всего, он связан с инфраструктурным строительством.

С 2018 г. Япония начинает несколько трансформировать риторику, так как было довольно-таки очевидно с самого начала, что есть очень сильный элемент в этой стратегии, который связан с противодействием Китаю. Он, в отличие от американской стратегии, не артикулировался, не назывался открыто, но было понятно, что большая часть этих принципов и то, как Япония, японское руководство их формулировало, как раз связано с тем, что необходимо противодействовать Китаю, изменению Китаем статус-кво силовым путем в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Этот четкий антикитайский элемент, несомненно, был, хотя никогда не артикулировался открыто в японской стратегии. Это вызвало определенные опасения со стороны ряда государств, особенно со стороны стран АСЕАН, и с 2018 г. несколько трансформируется риторика, появляется слово «видение» вместо «стратегии», делается акцент на инклюзивности стратегии и на центральном положении стран АСЕАН. Довольно очевидно, что серьезных изменений на практике по основным мерам и направлениям реализации эта стратегия не получила, но де-факто вопросы, которые связаны с противодействием стремлению Китая изменить региональный порядок в свою пользу, стали занимать в японской Индо-Тихоокеанской стратегии одно из центральных мест.

Здесь можно привести пример Стратегии национальной безопасности в новой редакции, которая была принята в Японии в 2022 г. и которая отмечает, что Китай – это ключевой стратегический вызов для Японии.

В марте 2023 г. премьер-министр Ф. Кисида произнес очень интересную речь в индийском Совете по международным делам. Он сформулировал новый план для продвижения свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, в котором были более детально конкретизированы различные его направления, а также показано, что Япония реально сделала за это время с 2016 г. для продвижения различных инициатив и направлений.

Акцент делается на то, что кризис вокруг Украины ставит намного более остро вопрос о принципах устройства мирового порядка и регионального порядка в Индо-Тихоокеанском регионе. И второй аспект – это очень сильный и значительный экономический рост Индии и других держав, который еще больше актуализирует необходимость для Японии двигаться не просто в направлении Юго-Восточной Азии, а уже этого более широкого Индо-Тихоокеанского пространства.

Мы увидели некоторые новые элементы, которые были привнесены в Индо-Тихоокеанскую стратегию. В новом плане по ее реализации, который был предложен в марте 2023 г., формулируется четыре столпа. Некоторые из них обозначены четко, тогда как другие выглядят как совокупность совершенно разных направлений. В первый столп было занесено большое количество различных принципов, часть из них связана с вопросами безопасности, часть из них связана с экономической повесткой. Это принципы мира и процветания, свободы, верховенства права, разнообразия, инклюзивности, открытости. Это общие принципы, которые связаны с повесткой в сфере безопасности. Помимо этого, там также есть справедливый экономический порядок, необходимость избегать несправедливых экономических практик, и здесь Япония ссылается как раз на ту самую инфраструктуру высокого качества, а также необходимость придерживаться высоких стандартов в сфере торговли. В плане предлагается пример Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве,

которое было перезаключено без США под эгидой Японии в 2018 г., как пример реального регионального соглашения с японским лидерством, основанном на высоких стандартах. В этот столп включен вопрос создания правил, которые позволяли бы противодействовать нечестным или несправедливым экономическим практикам, и опять же высококачественная инфраструктура предлагается как пример того, как это должно быть реализовано на практике. Здесь явно есть негласная неартикулируемая отсылка к соответственно китайской Инициативе Пояса и Пути как антитезиса или антипримера.

Во второй столп попали различные вопросы, вызовы, которые существуют перед странами Индо-Тихоокеанского региона – это и вопросы, которые связаны с необходимостью продвижения зеленой повестки, климатических изменений окружающей среды, и вопросы «голубой экономики», медицины, здравоохранения, кибербезопасности, борьбы с дезинформацией, вопросы продовольственной, энергетической безопасности, ликвидация последствий стихийных бедствий, т. е. тоже довольно широкий круг вопросов, в которых Япония хочет быть одним из лидеров.

Третий столп – это многоуровневая взаимосвязанность, в первую очередь инфраструктурная. Делается акцент на регионах, в которых Япония уже активно работает, таких как Юго-Восточная Азия и регионах, куда Япония активно приходит, таких как Южная Азия и Океания. Помимо этого, это взаимосвязанность знаний и человеческого капитала, различных программ обменов, цифровая взаимосвязанность и т. д.

Четвертый столп – это уже вопросы, связанные с безопасностью: безопасность морского, воздушного пространства. В этой сфере Япония активно помогает различным странам, особенно странам Юго-Восточной Азии, наращивать их потенциал в сфере противодействия различным вызовам, которые связаны с вопросами как традиционной, так и нетрадиционной безопасности. Япония особенно активно сотрудничает со странами, которые выходят на Южно-Китайское море и вовлечены в территориальные споры с Китаем в Южно-Китайском море. Это в первую очередь Вьетнам, Филиппины, а также Малайзия, Индонезия. Помимо традиционных аспектов безопасности, это еще очень большой спектр сотрудничества в сфере борьбы с нетрадиционными вызовами безопасности – пиратство, нелегальная рыбная ловля, ликвидация последствий стихийных бедствий и т. д. Это направление объединяет всю ту деятельность, которой Япония фактически занимается много десятилетий. И Ф. Кисида также заявил о том, что до 2030 г. Японией будет привлечено 75 млрд долл. и частного финансирования, и государственного финансирования на инфраструктурные проекты в Индо-Тихоокеанском регионе. Эта цифра довольно-таки большая, но она несопоставима по масштабу с тем, что планируется к реализации в этот временной период Китаем.

Соответственно, если мы возьмем сферу безопасности, то здесь для Японии важно быть одним из стейкхолдеров, одним из лидеров в формировании этого общего широкого регионального порядка и не допустить, чтобы Китай стал доминирующей державой, чтобы Китай изменил региональный порядок в свою пользу. Помимо этого, в Японии считают значимым наоборот вовлечь США, чтобы они оставались в регионе и продолжали активно участвовать в нем и формулировали эти правила.

Помимо этого, Япония сотрудничает более активно со странами с похожей повесткой – с теми, кого называют *like minded countries*, т. е. кто думает так же и разделяет похожие принципы и ценности. Помимо США, традиционного союзника, это еще и страны-партнеры по Quad: Австралия и Индия (в различных форматах); также это страны АСЕАН и европейские державы, особенно Великобритания и Франция. Последняя имеет присутствие в Тихом и Индийском океане и соответствующие интересы на этом пространстве.

С 2018 г. в список этих стран начали попадать страны Океании, а с прошлого года – Канада, и с текущего года – Южная Корея, которая до этого в японской стратегии фактически не присутствовала. Абсолютно очевидно, что в списке этих партнеров нет Китая и, несмотря на

риторику инклюзивности, возникают вопросы о том, что Япония совместно с этими странами хочет предложить такой порядок, который позволил бы как-то ограничить деятельность Китая. Необязательно всегда противодействовать Китаю, но возможно побудить Китай действовать как-то по-другому или таким образом, чтобы действия Китая не были ревизионистскими по отношению к существующему порядку.

Что касается экономического вектора, то здесь присутствует очень четкая исключительно экономическая мотивация. Она связана со смещением центра экономического роста и ростом среднего класса в следующие десятилетия в более широкое Индо-Тихоокеанское пространство. Т.е. резервы экономического роста, где еще будет расти и население, и ВВП, и японские компании там же смогут извлекать прибыль, экспортировать больше своей продукции и получать больше новых контрактов – это уже более широкий Тихоокеанский регион. Это как раз страны Индокитайского полуострова, где еще есть дешевый труд, где страны довольно активно растут, страны Южной Азии и даже Африки. Этот более широкий Индо-Тихоокеанский регион де-факто является тем пространством, где Китай активно реализует свои инфраструктурные проекты, и куда Япония более активно, чем раньше, начинает приходить.

Что касается инфраструктуры, то здесь обращают на себя внимание цифры по инфраструктуре и инвестициям в промышленность и производство: за последние 10 лет общий объем японских инвестиций в страны Индокитайского полуострова и Южной Азии вырос в четыре раза. Это показывает, что изначально этих инвестиций было меньше, чем в более развитые страны АСЕАН, где японских совокупных инвестиций все еще больше, чем китайских накопленных, но также это показывает, что здесь есть те сферы, те направления, которые интересны японским компаниям. Помимо инфраструктуры, здесь есть еще одно очень важное экономическое направление – это диверсификация цепочек добавленной стоимости, диверсификации японских производственных сетей.

С 2000-х гг., особенно с середины 2000-х гг., многие японские компании взяли на вооружение стратегию Китай+1: иметь производственную базу в Китае, именно финальную сборку, при том, что многие компоненты производятся в других странах региона, особенно в более развитых странах Юго-Восточной Азии, но также иметь и какую-то дополнительную производственную базу в других странах. В частности, это Малайзия, Таиланд, Филиппины, Индонезия. Это позволяет диверсифицировать свои цепочки добавленной стоимости и производственные сети.

Помимо этого, существуют чисто экономические факторы диверсификации сфер приложения японских инвестиций – китайский труд, который был дешевым, уже совсем не такой дешевый. Мы видим, что постепенно происходит трансфер технологий, а китайское правительство стимулирует различными способами, в том числе юридически, необходимость передачи подобных технологий, в случае, если вы хотите размещать производство в Китае, китайским субподрядчиком. Этот вопрос сейчас стоит для японского бизнеса и правительства достаточно остро. Каким образом сохранить производственную базу в Китае, производить все больше товаров, которые уже преимущественно уходят чисто на китайский внутренний рынок, но при этом не передавать, не уступать Китаю самые продвинутые технологии, которые позволяют Японии выступать экономическим лидером?

Диверсификация производственных цепочек – это тот ответ, который демонстрируют японские компании. За последние пять лет намного больше инвестиций стало идти как раз в страны Индокитайского полуострова, и последние годы в Южную Азию, особенно в Индию. Вьетнам стал страной, куда очень много японских компаний, так же как и южнокорейских, сейчас стали переносить свое производство.

Индия предполагала, что из Японии туда будет очень большой прирост инвестиций. Но на практике мы видим, что этот прирост, несомненно, происходит, и индийский рынок оценивается как очень перспективный, но условия ведения бизнеса все еще довольно-

таки сложные, экономика все еще довольно забюрократизированная, и реальный прирост японских инвестиций в Индию не такой значительный, на который надеялись и Индия, и сама Япония – по чисто экономическим соображениям. Но этот тренд определенно наметился и, соответственно, это также одно из важных экономических направлений Индо-Тихоокеанской стратегии. Компании все еще смогут сохранить свое преимущество, иметь довольно дешевую рабочую силу, больше экспортировать, т.к. здесь растет средний класс.

И третье направление, тоже, наверное, не менее важное – это зона свободной торговли. Коренной поворот в японской внешнеторговой политике произошел в 2010-е гг. Конечно, Япония очень значимый игрок в региональной интеграции, если вспомнить «гусиный клин»¹ и японские позиции в цепочках добавленной стоимости, но при этом Япония не так активно участвовала в зонах свободной торговли, как мы могли бы предположить, и, в отличие от Южной Кореи, не очень была готова либерализовывать свою собственную экономику.

На 2017 г. всего лишь 40% торговли Японии было охвачено уже заключенными зонами свободной торговли. Например, для Южной Кореи аналогичный показатель был 70%, и вообще 40% для развитых стран – это был очень маленький показатель. Были жесткие дебаты по поводу Транстихоокеанского партнерства в Японии, когда принималось решение, что Япония будет участвовать в переговорах. Но с тех пор произошла смена парадигмы во внешнеэкономической деятельности в вопросе либерализации торговли. Япония стала довольно внезапно одним из чемпионов экономической либерализации.

Здесь есть совершенно разные цели. Это и поддержка высоких норм и стандартов, которые выгодны для японских компаний, которые уже стали глобальными компаниями, тогда как компании других стран не всегда могут им соответствовать и потенциально могут проиграть в такой конкуренции. Помимо этого, это идея «внешнего давления», которую планировал использовать С. Абэ для повышения конкурентоспособности японской экономики. А именно – постепенно открыть те сектора, которые не очень конкурентоспособны, такие, как сельское хозяйство, чтобы заставить их реформироваться и перестать быть настолько сильно убыточными.

И, наконец, это создание альтернативного Китаю интеграционного центра, только более высокого уровня. Здесь мы видим перезаключение Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве без США в 2018 г. Это перезаключение стало возможно только благодаря Японии и активному японскому лидерству. Конечно, соглашение без США не настолько масштабное – одиннадцать стран-членов составляют порядка 14% мирового ВВП, – но именно Япония стала в нем самой развитой экономикой, именно ее бизнес является там наиболее конкурентоспособным. Это означает, что именно японский бизнес в первую очередь получит преимущества от реализации данного соглашения.

Прежде всего, это касается сферы услуг, совместных производственных цепочек и защиты прав интеллектуальной собственности и других вопросов. Помимо ВПТТП, были заключены другие крупные соглашения: в 2018 г. подписана и вступила в силу в 2019 г. ЗСТ Японии и ЕС. Это огромная ЗСТ: 30% мирового ВВП и 40% мировой торговли приходится на Японию и ЕС, и это тоже очень глубокая степень либерализации.

И, наконец, было заключено ВРЭП (Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство) в 2020 г. В 2020 г. также было заключено соглашение между Японией и Великобританией, и в июле текущего года Великобритания также вступает в новое Транстихоокеанское партнерство (ВПТТП), тем самым увеличивая общий вклад. Существуют математические подсчеты, которые показывают, что Япония получит от этих соглашений: если

¹ Имеется в виду теория «гусиного клина», выдвинутую японским экономистом К. Акамацу в 1930-е гг., согласно которой страны «догоняющей модели развития» тянутся за более развитым государством, играющем роль «вожака стаи». Данная теория обрела особую популярность в 1960-е гг., когда именно Япония играла роль такого вожака, указывающего путь странам Юго-Восточной Азии. – *прим. ред.*

по отдельности, то Транстихоокеанское партнерство принесет дополнительно к ее доходам к 2030 г. 46 млрд долл., с ЕС – 44 млрд долл. и ВРЭП – 56 млрд долл. Поодиночке это не так много, но все вместе это получается прирост доходов больше 150 млрд долларов к 2030 г., и это показывает значимое экономическое преимущество, которым Япония планирует обладать.

Для Японии было очень важно в первую очередь перезаключить Транстихоокеанское партнерство (ВПТП), поэтому Япония готова активно включаться в Индо-Тихоокеанскую экономическую структуру (ИПЕФ), которую предлагают в США, когда будут какие-то конкретные меры, поскольку все высокие стандарты и положения, которые предлагают США, уже реализуются в этом самом Транстихоокеанском партнерстве (ВПТП). В данном случае от Японии не требуется каких-то дополнительных усилий.

Подводя итог, хотелось бы резюмировать, что С. Абэ смог сформулировать Индо-Тихоокеанскую стратегию свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона именно как ключевую для Японии стратегию – и внешнеполитическую, и внешнеэкономическую. Основная ее цель – чтобы Япония была одним из ключевых стейкхолдеров и одним из экономических и политических лидеров на этом большом пространстве. Мы четко видим, что интересы безопасности оказываются взаимосвязаны с интересами экономики. Иногда очень тяжело отделить одни от других. Традиционно про Японию говорили, что происходит экономизация политики и безопасности: с кем выгодно сотрудничать японским компаниям, с тем Япония также укрепляет политические отношения. Но сейчас мы видим еще и очень четкий обратный тренд: что на фоне конкуренции с Китаем при С. Абэ многие экономические проекты были отчетливо мотивированы геополитическими соображениями. В первую очередь это конкуренция с Китаем и стремление предоставить альтернативы Китаю и китайским проектам Пояса и Пути. Таким образом, еще один тренд, который мы четко видим последнее время – это секьюритизация экономики в различных сферах.

**Я.В. Мищенко, старший научный сотрудник Института Китая
и современной Азии РАН**

Японию с последней четверти 20 в. традиционно относят к числу «больших» держав, рассматривая как один из центров силы современного глобального мира; но при этом Япония долгое время отличалась от прочих «великих держав» отсутствием серьезных военно-политических амбиций глобального или даже регионального масштаба. Япония привлекает устойчивый международный интерес своей высокой активностью в международной торговле, зарубежном инвестировании и прочих форматах международного экономического сотрудничества. Японские ТНК представлены в любой стране мира, японская высокотехнологичная продукция также остается широко востребованной и признанной во всем мире в самых разных секторах промышленности – это и японский автопром, и производство сложных наукоемких электротехнических товаров, и передовая продукция энергетического машиностроения, и роботостроение.

Япония реализует успешную экономическую дипломатию во всем мире и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, однако, в отличие от внешнеэкономической и геополитической стратегии двух других «центров силы» глобального мира США и ЕС, ранее особенно не выказывала интереса к участию в региональных интеграционных процессах.

Можно утверждать, что этот формат международного сотрудничества в случае Японии не сыграл роль устойчивого плацдарма экономических успехов, как в случае ЕС, и не стал фактором геоэкономического и геополитического группирования соседних государств вокруг Японии, как в североамериканском интеграционном проекте, зацементировавшем на десятилетия союз Канады и Мексики с США, несколько оторвав последнюю от культурно ей более близкой Латинской Америки. Правда, инициативы о формировании более тесного партнерства, вплоть до зоны свободной торговли, между тремя гигантами Северо-Восточной

Азии – Японией, Китаем и Южной Кореей – витали в воздухе, однако полноценного интеграционного объединения наподобие НАФТА из этого не получилось. Однако, с 2008 г. с периодичной регулярностью проводятся трехсторонние саммиты КНР, Японии и Республики Корея. Одна их последних таких встреч состоялась в 2019 г., до пандемии коронавирусной инфекции. Успехов в интеграции сторонам даже в этом формате достичь не удалось, так как от обсуждения экономических вопросов Япония, Китай и Южная Корея регулярно переключали внимание на иные темы и проблемные аспекты отношений. Это, например, проблема территориальной принадлежности о-вов Сенкаку в Восточно-китайском море, проблема судебных южнокорейских женщин в годы японской милитаристской экспансии, а также недавние острые дебаты на тему сбрасывания Японией воды с тритием с АЭС «Фукусима» в Тихий океан. На момент заключения соглашений о новом Транстихоокеанском партнерстве и Всестороннем региональном экономическом партнерстве у Японии с Южной Кореей и Китаем не было соглашений о свободной торговле, какие уже имелись с Индией, Австралией и АСЕАН.

Таким образом, фактически до объявления в 2013 г. Японией о решении вступить в переговоры относительно участия в формирующемся Транстихоокеанском партнерстве, многосторонними интеграционными форматами страна особо не интересовалась. Налаженных форматов сотрудничества Японии хватало для реализации основных внутренних и внешних экономических задач. К тому же до 21 в. Япония в большей степени делала ставку на механизмы ГАТТ и ВТО для участия в многосторонних торговых переговорах и обеспечения выгодного и равноправного торгового сотрудничества. Однако затяжные и не особенно удачные переговоры Дохийского раунда стали толчком для пересмотра Японией своего традиционного курса на многонациональные переговоры в рамках ГАТТ – ВТО.

При этом многонациональные переговорные механизмы в рамках АТЭС с 1989 г. также активно использовались Японией для продвижения и либерализации региональной торговли. Однако когда стала проявляться неспособность данного межправительственного форума реализовать, например, свои же «Богорские цели» о создании в АТР зоны свободной и открытой торговли и инвестиций, или Осацкую программу действий в поддержку реализации Богорских целей, в Японии утвердились в стремлении к поиску новых, более эффективных форматов внешнеэкономического сотрудничества. Такими форматами сперва стали двусторонние торговые соглашения. С 2002 г. Япония подписала торговые соглашения с Сингапуром, Малайзией, Чили, Брунеем, Таиландом, Филиппинами, Индонезией, Вьетнамом, Индией и т. д. В 2008 г. вступило в силу соглашение об экономическом партнерстве Японии с АСЕАН, оно официально охватывало торговлю товарами и услугами и инвестиции. Запланирована отмена пошлин была к 2026 г.

Однако страны АСЕАН не были абсолютно удовлетворены достигнутым с Японией в тот период соглашением о либерализации экономических связей, так как Япония не пошла на отмену тарифов на продовольствие и свободное перемещение рабочей силы из стран АСЕАН. Между тем, вопрос о более свободной миграции рабочей силы всегда был важен для всех стран Юго-Восточной Азии, однако некоторого прогресса на переговорах с Японией удалось добиться только Индонезии, Вьетнаму и Филиппинам. Таким образом, хотя соглашения о свободной торговле с АСЕАН и отдельными странами АСЕАН и были заключены в первой декаде 21 в., однако в ряде аспектов они оценивались как далеко не исчерпывающие полные и даже полноценные. Было понятно, что переговоры интеграционной направленности между странами будут продолжены.

Транстихоокеанское партнерство и Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство стали интеграционными соглашениями нового поколения. Оба имеют трансрегиональный характер, так как выстроены на принципах преобладающей в эпоху глобализации политики открытого регионализма и мультилатералистских подходов. Япония участвует в обоих интеграционных проектах.

К участию в ТТП Японию привлекли США, справедливо посчитав, что вовлеченность такого крупного регионального актора добавит инициативе вес в глазах международного сообщества и увеличит шансы на успешную реализацию. В Японии это соглашение называли знаковым для будущего Японии и всего АТР. Оно поставило амбициозную задачу – заложить основы для формирования всеобъемлющей Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли, которая гипотетически, при благоприятном развитии, могла бы расшириться и охватывать все страны региона. Однако при этом Китай присоединиться к ТТП еще в период лидерства в проекте США не пригласили. Это предопределило восприятие Транстихоокеанского партнерства как проекта, направленного на сдерживание Китая. Официально участники объясняли неприсоединение Китая слишком высокой планкой либерализации в рамках проекта – усредненный уровень применяемых торговых тарифов в региональной торговле был согласован на уровне примерно 10%.

Однако позднее КНР продемонстрировала готовность своей экономики к аналогичным шагам в рамках другого интеграционного проекта – ВРЭП, созданного на основании традиционного ядра восточноазиатской интеграции АСЕАН и стран, с которыми у объединения уже было заключено соглашение о свободной торговле. ВРЭП в определенном смысле цементирует центральную роль АСЕАН в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В процессе подготовки соглашения о ВРЭП фокус внимания был направлен на сложные переговоры с Индией. При создании проекта странами-участниками предполагалось, что таможенные пошлины будут устранены по 95% тарифных линий. Однако соглашение о ЗСТ АСЕАН с Индией предполагало их устранение только по 78,8% тарифных линий. Индия продолжала придерживаться протекционистской политики, так как опасалась наплыва более дешевой китайской продукции в случае большего открытия внутренних рынков. Опасения снижения конкурентоспособности национальной продукции являются типичными для многих стран при обдумывании целесообразности участия в том или ином интеграционном формате.

Со схожей ситуацией столкнулась и Япония, когда в течение 6 лет, вплоть до 2013 г., тщательно обдумывала решение о своем участии в ТТП. Представители японских промышленных кругов выступали в поддержку участия в проекте: продукция промышленности, особенно японского автопрома, традиционно доминирует в структуре экспорта и перспектива расширения экспортных возможностей представлялась весьма заманчивой. Представители японского аграрного сектора, наоборот, опасались наплыва более дешевой и менее качественной американской сельскохозяйственной продукции. Отказ от мер протекционистской защиты аграрного сектора выглядел в этом ключе рискованным. Но в итоге Япония решила, что выгоды перевешивают риски и присоединилась к проекту.

Тот факт, что в ходе длительных переговоров по параметрам участия Индии в проекте ВРЭП эта страна, которой США и Япония прочат роль нового центра в создаваемом в настоящее время конструкте Индо-Тихоокеанского региона, а сама она явно готовится обозначить претензии на статус «великой державы» нового времени, не сумела отстоять в многосторонних региональных переговорах свою позицию или хотя бы найти устраивающий все стороны компромисс, в некоторой степени ставит под сомнение реальный потенциал Индии уже сейчас стать полноправным региональным лидером. Вероятно, целесообразно признать, что Индии все еще не хватает авторитетности и всеобщего признания в качестве лидера во многих региональных вопросах. Также это может быть связано с в некоторой степени менее напористым характером позиции Индии в международных вопросах, чем демонстрирует Китай.

Вопросы возникают не только касательно лидерства Индии среди стран региона, но также относительно институционального оформления конструкта Индо-Тихоокеанского

региона (ИТР). Концепт Индо-Тихоокеанского региона широко пропагандируется на самом высоком уровне в таких странах как США, Япония, которые последовательно прилагают большие усилия для регионального сдерживания Китая. Поэтому эти страны хотели бы несколько изменить устоявшиеся границы давно ставшего традиционным и общепринятым Азиатско-Тихоокеанского региона, в котором Китай играет одну из ключевых ролей, будучи географически расположенным в самом сердце Восточной Азии, новым геополитическим конструктом, в котором Китай был бы оттеснен на периферию. ИТР призван реализовать этот замысел Вашингтона и Токио, а потому данная концепция уже не один год получает широкую поддержку правительственных кругов и высокого уровня экспертов этих стран.

Однако целесообразен вопрос, на каком международно-правовом или институциональном базисе, помимо широкой международной правительственной и экспертной пропаганды, концепт ИТР основывается в данный момент. Если в определенной степени в поддержку региона АТР в 1989 г. был создан и продолжает свое существование форум АТЭС, став самой обширной и активно используемой диалоговой площадкой в регионе, то какие механизмы являются несущей конструкцией на данном этапе формируемого ИТР – пока остается не совсем понятным. При этом очевидно, что одна из центральных ролей в нем может быть отведена АСЕАН и вполне логично, что Индии, однако на данном этапе, потерпев откровенную неудачу на переговорах о создании ВРЭП, Индия видится в мега-проектах региона все же несколько более скромным и сторонним участником.

Между тем, Япония продолжает делать серьезную ставку на проработку концепции ИТР. Пока не имея возможности подготовить для него институциональную или правовую основу, Япония действует, разумеется, прежде всего, исходя из своих стратегических интересов, консолидируя вокруг себя потенциальных сторонников ИТР. В частности, из числа государств АСЕАН. Принятие и одобрение нового проекта регионального устройства остальными странами региона представляется важным, так как в свое время географический подход, положенный в основу Азиатско-Тихоокеанского региона, воспринимался нейтрально для всех стран региона ввиду того, что не прочил какую-то одну страну в лидеры региона. Это важно для стран региона АТР, который в 21 в. стремится, скорее, к многополярности, чем к признанию гегемонии и лидерства одной страны. Концепт ИТР, с одной стороны отражающий объективное углубление сотрудничества между пространствами Тихого и Индийского океанов, все же явственно перемещает фокус внимания на Индию, делая ее неотъемлемым полюсом формирующегося геополитического пространства. Это не только накладывает на Индию серьезную ответственность новой региональной миссии, но также может заставить отдельные страны опасаться чрезмерного увеличения ее влияния, что просматривается в отношении стран АСЕАН, например, к Китаю.

По этой причине Япония занимается дипломатическим развитием не только своих двусторонних отношений со странами АСЕАН, но также формирует альянсы с ними в контексте общей поддержки концепции ИТР и готовности в проекте участвовать. В последнее время прослеживается особое значение, которое придается развитию отношений Японии с Филиппинами, в том числе как основа будущего стратегического сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе. В 2022–2023 гг. активизация дипломатических связей Японии и Филиппин была обращена в том числе на создание стратегических альянсов в области безопасности формируемого Индо-Тихоокеанского региона. Так, в апреле 2022 г. состоялись переговоры министров иностранных дел и обороны Японии и Филиппин. Страны в последнее десятилетие активно работают над созданием стратегического партнерства в области региональной безопасности, подчеркивая также косвенное участие в их альянсе США, которые также видит себя актором ИТР. Японская береговая охрана предоставляет партнерам патрульные суда для эффективного обеспечения морской безопасности. Это выглядит

актуально в контексте намерения Японии и Филиппин, которые также являются союзниками США, оказывать посильное противодействие росту активности Китая в Южно-Китайском море, его растущему влиянию в регионе.

В феврале 2023 г. Токио с визитом посетил руководитель Филиппин Ф. Маркос. Значительное внимание переговорной повестки было уделено подтверждению важной роли Японии в экономическом сотрудничестве с Филиппинами. Япония является вторым крупнейшим торговым партнером Филиппин и крупнейшим источником официальной помощи развитию (ОПР). К 2022 г. Япония реализовывала или уже реализовала порядка 45 проектов помощи развитию Филиппин, в то время как КНР – не более 5. Особенно важна для Филиппин готовность Японии инвестировать в инфраструктурные проекты.

Контакты на высшем уровне с Филиппинами в 2023 г. этим не ограничились. В начале ноября 2023 г. премьер-министр Японии Ф. Кисида посетил Филиппины с официальным визитом, что подчеркивает близость позиций двух стран по ряду вопросов, общие темы для переговоров, такие как продвижение концепции Индо-Тихоокеанского региона, укрепление сотрудничества в области обороны. Велика вероятность, что Филиппины станут первой страной в АСЕАН, с которой Япония разработает и заключит Договор о взаимном доступе в сфере обороны и безопасности, что подразумевает, например, проведение совместных военных учений. Также 3 ноября Ф. Кисида объявил о решении безвозмездно предоставить Филиппинам сторожевые катера и радары для охраны эксклюзивной экономической зоны в Южно-Китайском море, на которую частично претендует КНР. На примере Филиппин Токио планирует отработать новый подход к сотрудничеству в области безопасности, позволяющий предоставлять вооружения дружественным странам. Вероятно, эта практика вскоре будет использована в отношениях с Малайзией.

В целом, в ходе встречи на высшем уровне между Японией и Филиппинами была подтверждена приверженность стран тесному сотрудничеству в преддверии саммита Япония – АСЕАН, проведение которого запланировано в декабре 2023 г. в Токио в честь 50-летия дружбы и сотрудничества между странами.

Помимо посещения Филиппин, японский премьер-министр 4–5 ноября 2023 г. также посетил с первым официальным визитом Малайзию. В ходе турне обсуждалось создание Японией программы по оказанию военной помощи развивающимся странам партнерам (Официальная помощь в целях безопасности). Среди стран АСЕАН Малайзия и Филиппины будут получателями этой помощи. В бюджет Японии на текущий финансовый год для реализации новой инициативы заложено около 2 млрд иен (14,9 млн долл.).

Сотрудничество Японии с Малайзией и Филиппинами углубляется не только в сфере обороны и общности отношения к ряду аспектов региональной повестки, но также в области экономических связей. В течение 8 лет, с 2015 г., Япония является четвертым крупнейшим торговым партнером Малайзии. По итогам за 2022 г., торговый оборот Малайзии с Японией оценивался в 4,21 млрд долл., составляя 6,4% суммарной внешней торговли Малайзии. Также, по состоянию на июнь 2023 г., 2 тыс. 778 инвестиционных проектов реализовывалось японскими компаниями в Малайзии, с общим объемом зарубежных инвестиций в размере 27,43 млрд долл.

Следует отметить, что Ф. Кисида уделяет умеренное, но регулярное внимание поддержанию дипломатических контактов с различными странами АСЕАН. Так, в марте 2022 г. он побывал с официальным визитом в Камбодже, которая председательствовала в АСЕАН, что, в целом, показало намерение Японии продолжать взаимодействие с данным блоком, в том числе для совместного претворения в жизнь проекта Индо-Тихоокеанского региона.

**Г.Д. Паксютов, старший научный сотрудник Института Китая
и современной Азии РАН**

Мой доклад будет об экономической стратегии Японии в АТР, в первую очередь правительственной стратегии, стратегии на уровне государства, и мне хотелось бы затронуть три аспекта. Первый – новая концепция экономической безопасности Японии, второй – инициатива «качественной инфраструктуры», и третий – то, как экспертное сообщество в Японии, в том числе рефлексируя над стратегическими документами, понимает и транслирует в информационном поле основные предпосылки и задачи этой стратегии. Основные источники, на которых я базировал свои выводы об экспертной оценке, это книга Катада Саори «Новая региональная реальность Японии», достаточно широко цитируемая, и публикации японского Института геоэкономики – это институция, недавно созданная на основе другого мозгового центра Asia-Pacific Initiative (API), научным руководителем которой является профессор Токийского университета К. Судзуки, советник правительства по вопросам экономической безопасности.

Начну с замечаний по поводу экономической безопасности – это отдельная большая тема, но для целей данного доклада хотелось бы отметить следующее. Текущая парадигма экономической безопасности в Японии привлекла большое внимание, начиная с прошлого года, но на самом деле постепенно разрабатывалась и внедрялась с 2019–2020 гг. В составе ЛДП разработкой рекомендаций по экономической безопасности руководил Кисида еще в 2019 г., до того, как стал премьером. Консолидировано текущее видение экономической безопасности в двух документах – Закон об обеспечении экономической безопасности (май 2022 г.) и Национальная стратегия безопасности (декабрь 2022 г.). Японская стратегия эксплицитно ставит целью поддержание «миропорядка, основанного на правилах», и среди более конкретных задач называется противодействие «невоенному давлению со стороны некоторых государств, направленному на подавление независимого принятия решений в национальной внешней политике». В документе, как и во многих других документах подобного рода, не раскрывается напрямую, о каких «некоторых государствах» идет речь, но выступления высокопоставленных политиков из ЛДП, например, А. Амари, прямо дают понять, что имеется в виду, конечно же, Китай. Также отметим, что основополагающие документы стратегии экономической безопасности постулируют задачу извлечь экономическую выгоду из динамичного экономического роста в Индо-Тихоокеанском регионе. Еще важно, что стратегия экономической безопасности и более широкая стратегия национальной безопасности прямо подразумевают императив технологического развития, что также имеет прямое отношение к экономическому росту. В стратегии национальной безопасности, в частности, постулируется задача обеспечить «незаменимость технологий» Японии, и выделяется перечень «критически важных» технологий, развитию которых будет уделено наиболее пристальное внимание.

Определенные выводы из вышесказанного я сделаю ближе к концу доклада, а пока перейду ко второму моменту, к инициативе «качественной инфраструктуры». Опять же, не буду детально приводить всю историю и контекст этой инициативы, отмечу только, что так называемое Партнерство для качественной инфраструктуры было предложено правительством Абэ в 2015 г. как ответ инициативе «Пояс и путь», стартовавшей в 2013 г. Нетрудно видеть, что само название «качественная инфраструктура» подразумевает, что есть какая-то некачественная инфраструктура, альтернативой для которой является эта инициатива. Хотя сам Абэ избегал того, чтобы прямо проговаривать антагонистическое отношение к китайским инфраструктурным проектам, и на самом деле в 2017 г. выразил готовность участвовать в проекте «Пояс и путь», но все же в академической литературе и в прессе есть четкий консенсус, что японская инициатива – это прямой конкурент «Пояса и пути». В академической литературе показано, что изначально США выдвинули видение «Пояса и пути» как проекта

проблематичного, в том числе потому, что страны накапливают большие долги, и постепенно Япония перенимает эту позицию в своей стратегии.

Здесь отметим еще один нюанс. Обозреватели подчеркивают, что видение инфраструктурных инвестиций в Японии и США включает определенную ценностную составляющую, подразумеваемую термином «качественный», условно назовем эту составляющую «либеральной». При этом утверждается, что, в отличие от США, которые от реципиентов инвестиций требуют либерализации, экономических реформ, Япония является более гибкой в идеологическом ключе, не представляя столь жестких требований. Таким образом, инвестиционные стратегии США и Японии дополняют друг друга: обе служат укреплению определенного миропорядка, но Япония себя позиционирует как более гибкий, более приближенный к развивающимся странам Азии по менталитету игрок.

Важно отметить, что свою стратегию инфраструктурных инвестиций Япония пытается скоординировать и с другими союзниками, кроме США. Так, в мае нынешнего 2023 г. на саммите G7 было совместное заявление о «честных и устойчивых» инфраструктурных инвестициях, и было анонсировано создание Партнерства для глобальной инфраструктуры в ближайшем будущем. В японской прессе, в частности в газете «Иомиури», прямо проговаривалось, что это делается в противовес Китаю.

Перейду к третьему моменту – экспертный дискурс в Японии об экономической региональной стратегии. Для начала некоторые замечания, сделанные по публикациям API и Института геоэкономики.

Один из их материалов посвящен потенциалу взаимодействия США и Японии в Индо-Тихоокеанском регионе, и там приводятся данные кейс-стади ряда стран, где США и Япония могли бы кооперировать свои действия. Для Японии ставится задача, помимо прочего, поддержания универсальных демократических норм. Китай называется основным конкурентом и, опять же, упоминается «экономическое принуждение», используемое Китаем. Если посмотреть конкретные кейсы, например, по Мьянме, одним из главных акцентов является требование демократизации, сопряженное с инвестированием, поддержкой развития, причем авторы подчеркивают: Вашингтон жестко требует развития гражданского общества, прав человека и т.д., а Япония, преследуя, в общем, те же цели, действует более гибко, в основном концентрируясь на экономических аспектах, например, либерализации рынков. Сходная логика прослеживается и в других кейсах. Например, Вьетнам характеризуется буквально как «противовес стратегическим амбициям Китая», и этим продиктована задача экономического развития страны.

Еще в одной их публикации повторяется ряд сходных предпосылок: утверждается, что ключевая задача Японии – это «приковывание» интересов США к Индо-Тихоокеанскому региону. Утверждается, что «открытая и честная» международная система является залогом процветания Японии. В качестве оппонента вновь называется Китай, ключевым аспектом противостояния обозначена технологическая сфера, и, что очень интересно и показательно, приводится следующая формулировка. Китайский план по «объединению обширных пространств Евразии» называется «нелиберальным геополитическим проектом». То есть в документе прямо проговаривается, что сама по себе евразийская интеграция, в том числе экономическая, противоречит интересам Японии. Понятно, что подразумевается, что в интересах Японии – сохранение гегемонии США.

Что касается книги С. Катада «Новая региональная реальность Японии», отмечу, что автор этой книги характеризует региональную стратегию Японии как «направляемую государством (state-led) либеральную стратегию» (с. 22). Либеральный аспект Катада определяет, как продвижение «глобальных либеральных ценностей», подчеркивая, что стратегия направляется государством (естественно, с учетом того, что в стране есть экономические акторы разного рода, включая частные компании и индивидуальных лиц),

стратегия определяется политической элитой и реализуется «сверху вниз» (с. 224). Кроме того, Катада поясняет, что «либерализм» этой стратегии проявляется в развитии институтов и формальных правил в регионе. В одном из мест в книге Катада также делает любопытную ремарку, связывая продвижение правительственной стратегии с относительным ослаблением инициативы частных компаний, и в частности даже Кэйданрэн, японской федерации предпринимателей (с. 115).

К этому замечанию у меня есть дополнительная яркая иллюстрация. Есть недавний информационный бюллетень JETRO с рекомендациями для японских предпринимателей по ведению бизнеса за рубежом, и там очень хорошо видно даже на уровне заголовков, что авторы бюллетеня из всех сил пытаются сигнализировать бизнесу – не нужно вести дела с Китаем. В презентации, которая вообще-то посвящена не Китаю, а всему миру, большая часть заголовков была посвящена одному Китаю, с формулировками – в Китае спад такого-то показателя, в Китае такие-то риски. Важно понимать, Япония – это номинально не страна с государственным капитализмом, где само государство является доминирующим субъектом экономических связей, сделок. Сделки ведет бизнес, но видно, что правительство мобилизует различные механизмы для сигнализирования, направления экономической активности в определенное русло, и благодаря этому поводу – конкуренция с Китаем – наращивается влияние правительства, чиновников.

Суммируя все вышесказанное, хочется отметить, что и в стратегических документах, и в рассмотренных формулировках экспертов постоянно повторяется ряд констант. Китай как главный конкурент, мышление в терминах либерального миропорядка, в котором необходимо активно участвовать Японии, императив экономического роста (что особенно актуально в условиях исчерпания источников экономического роста внутри страны), и, что особенно хотелось бы подчеркнуть – момент, связанный с центральной ролью государства, политических элит. Тут есть два аспекта. Во-первых, этот дискурс либерального миропорядка, институтов, в которых нужно активно участвовать Японии, и дискурс безопасности, противостояния внешним угрозам – они естественным образом связаны с пресловутой имплементацией стратегии «сверху вниз». Это обусловлено многими факторами. Так, понятно, что эта привязка к интересам США связана с тем, что многие представители элит в Японии учились или работали в США, как и сам Кисида. Во-вторых, если мы говорим об институтах в самом прямом и буквальном смысле – о международных организациях, которые формируют условно либеральную повестку (например, G7), ясно, что туда входят представители именно политических элит, и это формирует их мышление и интересы. В-третьих, сам глобальный по существу характер стратегии делает естественной ее координацию на государственном уровне, что повышает влияние правительства.

Другой важный аспект – это то, что в Японии из-за нескольких десятилетий без существенного экономического роста сформировалась политическая, бюрократическая элита, которая стремится расширять свое влияние на все новые сферы, ранее не попадавшие под их прямой контроль. Попросту выражаясь, чтобы повышать себе зарплаты, делать карьеру, например, в министерстве, нужно расширять бюрократический контроль над экономикой, потому что уже имеющийся «пирог» не растет экономически. Я впервые обнаружил это наблюдение в литературе, посвященной стратегии Cool Japan по развитию креативных индустрий, и там утверждалось, что одна из важных внутренних мотиваций этой стратегии – это перенос влияния чиновников на сферу, которая ранее в значительной степени оставалась вне государственного контроля.

Возвращаясь к нашей основной теме, риторика угроз безопасности, конфронтации очень удобна для чиновников, политических элит для того, чтобы расширять свои полномочия, свое влияние в ситуации, когда экономика номинально не является государственной. И я хотел бы предложить – это центральная мысль моего доклада –

в наших исследованиях японской геоэкономической, геополитической стратегии уделять нюансированное внимание интересам и мотивациям в японском обществе акторов разного уровня, от политических элит до частных компаний и индивидуальных граждан, и в том числе критически относиться к некоторым предпосылкам стратегических документов или риторики политиков, когда в них говорится о Японии в целом. Политические элиты могут преследовать интересы, не тождественные национальным интересам, а просто максимизировать личное влияние и власть. В экономической теории это называется «проблема принципал-агент».

Есть важное следствие из такого подхода – в условиях очевидно существующих трений между нашей страной и Японией данный подход позволяет не переносить логику конфронтации на японский народ. Японский народ может быть не субъектом обострения конфронтации, а объектом в условиях того, что политические элиты максимизируют собственное экономическое благосостояние и власть. Помимо этого, риторика безопасности и конфронтации позволяет мобилизовать ресурсы и расширить диапазон возможных инструментов поддержки, включая протекционистские меры, которые ранее казались противоречащими неким идеалам свободной торговли, для стимулирования высокотехнологичного сектора, в котором видят драйвер опережающего экономического роста.